

Виталий Бернштейн

Неоконченное письмо

Виталий Бернштейн

Неоконченное письмо

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181633

Виталий Бернштейн

Неоконченное письмо

Привет, Майки. Обращаясь к тебе, использую свое имя. Почему – поймешь дальше. Оставшиеся дни я решил посвятить этому письму. Поверь, оно очень важно для тебя. Чтобы ты не повторил моих ошибок. Никогда не писал таких длинных писем – даже не знаю, как и начать... Извини, если рассказ мой получится сбивчивым. Но все равно ты должен дочитать до конца. Обещаешь, Майки?

Сажу за привинченным к стене столиком. На нем стопка бумаги, которую по моей просьбе принес утром усатый неразговорчивый надзиратель. Карандаш в потных пальцах вяло ползет по листу. Душно в камере. На руке набухли темно-синие вены... Хорошо, что они у меня такие крупные, будет легко попасть иглой. Хотя об этом не стоит и беспокоиться – тут работают профессионалы, опыта не занимать. Сначала из капельницы в вену поступит раствор, вызывающий глубокий наркоз. Потом – вещества, которые остановят работу дыхательных мышц и сердца. На все уйдет минут десять. Быстро, безболезненно, «гуманно». Не правда ли, забавное словосочетание – «гуманное убийство»?

Опять эта муха... Она появилась несколько дней назад, залетела, наверное, через вентиляционную трубу. Поначалу я решил просто прихлопнуть ее старой газетой. Размахнул-

ся... И не ударил. Кажется, тоже стал «гуманистом». Ладно, пусть живет. Теперь мы – друзья, я подкармливаю ее. Вон уткнулась хоботком в стол, на нем я нарочно оставил после еды несколько капель супа. Даже имя ей дал, оно вполне соответствует месту, где нам довелось познакомиться, – Неме-зида...

Справедливо ли то, что собираются со мною сделать? За долгие месяцы в этой одиночной камере было достаточно времени поразмыслить. Конечно, в душу любой живой твари на Земле изначально впечатан страх смерти. Но если хотя бы на минуту освободиться от него, бросить взгляд со стороны, становится ясно: я это заслужил. За все, Майки, рано или поздно надо платить.

На моих руках кровь. Кровь убитых мною прокурора и его охранника. Кровь полицейского, которого я ранил в банке. И самое страшное – кровь Синтии. Теперь не могу простить себе всю эту кровь. А тогда действовал, как робот... Вспоминаю глаза Синтии. Отрешенные, уставившиеся в какую-то немыслимо далекую точку на горизонте. Она уже знает, что должно произойти. Она уже не здесь. Синтия стоит на коленях на дне заброшенного песчаного карьера. Ее руки связаны за спиной, губы заклеены липкой лентой. Вверху, над карьером, безмятежно покачиваются в предвечернем воздухе верхушки сосен. Глухо в лесу. Стою за спиной Синтии. Каким тяжелым стал автомат. Его дуло почти касается затылка Синтии, покрытого рыжими волосами в крупных завит-

ках. «Стреляй!» – пронзительно звучит команда с края карьера. «Стреляй! Стреляй!» – отдается эхо. Мой палец (вот этот самый, который лежит сейчас на карандаше) нажимает на спусковой крючок. Падает тело Синтии – лицом в песок. Багровая каша выползает из темной, страшной дыры на ее затылке.

По склону карьера скользит вниз Урсула. С нею мы привезли сюда Синтию – для исполнения приговора. Глаза Урсулы торжествующе блестят. «Ты доказал свою верность революции, – кричит она, – ты заслужил награду!» Она подбегает ко мне, вырывает из рук автомат, все еще направленный в ту точку пространства, где минуту назад был затылок Синтии. Отбрасывает автомат в сторону. «Я хочу тебя! Я хочу тебя прямо сейчас, прямо здесь!» Прыгающие пальцы Урсулы расстегивают мой пояс... Мы валимся на песок.

Я занимаюсь любовью молча – в отличие от Урсулы. «Бери меня, бери меня всю! – стонет она. – А теперь ложись на спину! Скорей!» Она остается командиром даже во время наших любовных игр. Я безоговорочно и сладостно подчиняюсь ей. Рядом остывает тело Синтии...

Синтия была послана на задание – уточнить расположение телекамер в зале банка, намеченного нами к «экспроприации». Тогда и обнаружила Урсула под подушкой Синтии не дописанное ею письмо к матери. Письмо рассказывало об ужасе жизни в подполье, о пролитой крови, о мечте вернуться в родительский дом. И, конечно же, не было ника-

кой гарантии, что, вернувшись, Синтия не выдаст – вольно или невольно – нашу «Революционную армию». Такое письмо нельзя было оставить без внимания, не принять мер. Так, во всяком случае, мне тогда казалось. А теперь думаю, что не только революционный долг двигал Урсулой, когда она вынесла приговор пришедшей с задания «предательнице».

Я любил ее. Урсулу... Слово «любовь» тут, пожалуй, не совсем точно. Как бы тебе лучше объяснить, Майки... Это была слепая страсть. Мой прежний любовный опыт ограничивался парой молоденьких студенточек из нашего колледжа. С ними было так приятно порезвиться на танцульках. А потом и в постели. Но когда волей случая в мою жизнь вошла Урсула, я вдруг осознал – вот это и есть бездна любви, все предыдущее было лишь ее жалкой имитацией. Почему? Кто знает... Нет таких весов, на которых можно взвесить произведение искусства. Почему, например, вот эта музыка потрясает тебя, а та – оставляет равнодушным. Так и в любви. А еще в нашем случае имела значение несхожесть характеров, мы как бы дополняли друг друга. В любой группе Урсула, даже не стремясь к этому, оказывалась в центре, обретала роль лидера. Мне же была предначертана, генетически предначертана – запомни это Майки – роль ведомого.

Погода испортилась. За окном, за тюремной решеткой, – косые струи дождя. В камере сразу похолодало. Но это все-таки лучше, чем вчерашняя жара...

Все пять лет существования «Революционной армии» я оставался верным оруженосцем Урсулы. И ее мужчиной. Последнее, впрочем, не совсем точно. Урсула, наш главный идеолог, отвергала лицемерную мораль общества, которое мы собирались разрушить. Любовные отношения между солдатами «Революционной армии» легко начинались и легко обрывались. И все прочее в этом смысле было дозволено. У нас были свои гомики: Тимоти и женоподобный Альберт (которого про себя я беззлобно именовал «Альбертой»). Были лесбиянки Хелен и Хильда – они периодически ссорились по мелочам, расставались на время, даже заводили поклонников среди наших ребят, но потом неодолимая сила любви бросала их опять в объятия друг друга. И все же негласно считалось, что мужчина Урсулы – это я. Бывало, она проводила ночь с кем-нибудь другим. Но потом всегда возвращалась ко мне. Однолюб по натуре, я переживал каждый такой случай, хотя старался не подавать вида.

Однако случилось так, что к нам присоединился Билл. Хакер-самоучка, он сумел проникнуть внутрь компьютерной системы одного из нью-йоркских банков и путем хитроумных комбинаций умыкнул оттуда крупную сумму. Деньги он быстро истратил и, разыскиваемый полицией, нашел прибежище в нашей «Революционной армии». Ее большинство составляли недоучившиеся студенты вроде меня. А Билл происходил из рабочей среды, прежде он был механиком, ремонтировал автомобили. Урсула считала его появление в на-

ших рядах следствием того, что «Революционная армия» получает все большее признание со стороны рабочего класса – наиболее угнетаемой, как она говорила, части общества. Урсула надеялась, что хакерские таланты Билла обеспечат обильный приток средств на нужды революции.

Биллу было двадцать восемь, как и мне тогда. Хотя выглядел он старше. Массивный, хриплоголосый. Не могу понять, чем он приглянулся Урсуле. Однажды ночью она оказалась на его матрасе. Там и осталась. Через неделю, улучив момент, когда мы были одни в комнате, я спросил Урсулу, почему она покинула меня. «Я не покинула тебя, Майкл, – она медленно подняла на меня свои зеленые, кошачьи глаза. – Мы, как и прежде, остаемся близкими товарищами по революционной борьбе. А секс – это не главное. Если тебе одиноко по ночам, попроси кого-нибудь скрасить одиночество». И она опять наклонилась к столу, где лежал, ожидая смазки, ее автомат «Узи».

Потом я сошелся с Синтией. Она была младше меня на шесть лет и, значит, на девять лет младше Урсулы. Наивные, покорные глаза, худенькие плечи... И все же, все же в душе моей продолжала царствовать Урсула. Воспоминания о прежней близости с ней, о ее гибком, сильном теле не давали мне спать по ночам. Понимаешь, Майки, это было как наваждение, как гипноз.

Внешне ничего не изменилось в отношении Урсулы ко мне и Синтии. Но мне ли было не знать Урсулу. Иногда я ло-

вил ее быстрый, холодный взгляд в сторону Синтии. Неужели Урсула ревновала?.. Перебирая сейчас в памяти те дни, склоняюсь к мысли: так оно и было. И все-таки не уверен, действовала ли Урсула по заранее обдуманному плану, когда в отсутствие Синтии устроила тот обыск. Возможно, это случилось импульсивно – Урсула сама не осознавала до конца, что ею движет. Но с другой стороны, почему вынесенный ею приговор был столь беспощадным? И почему именно мне был отдан изуверский приказ – привести приговор в исполнение? Как страшно теперь вспоминать об этом...

После того, что произошло в песчаном карьере, Урсула снова вернулась ко мне. Биллу была дана отставка. А вскоре он подло дезертировал из наших рядов. Посланный с «Альбертой» на задание, Билл попросил того подождать минутку, заскочил в общественный туалет и незаметно улизнул через другую дверь. Видимо, его тяготила беспрекословная дисциплина, которую Урсула насаждала среди солдат революции.

Теперь, Майки, расскажу о Джейкобе. Ведь именно он в прямом смысле приложил руку к твоей судьбе.

Мы дружили с Джейкобом с детских лет. В школьной команде по баскетболу я играл центральным нападающим, а Джейкоб, уже тогда полноватый, выходил на замену в качестве защитника. Потом, когда мы оказались в одном колледже, дружба наша стала еще крепче. В колледже Джейкоба интересовали прежде всего предметы в области биологии и

медицины – он собирался стать врачом. А меня привлекали общественные науки. Но свободное время мы проводили вместе. В ту пору он, как и я, как и большинство студенческой молодежи, находился под влиянием левацкой идеологии. Мы вместе участвовали в шумных митингах и демонстрациях, восторженно скандируя лозунги против глобализации экономики, против лживой буржуазной морали, против злодеяний полиции, против голода в странах Африки, в чем, конечно же, был виноват лицемерный Запад. Однако все больше времени Джейкобу приходилось посвящать изучению своей будущей специальности. Постепенно он отдалялся от наших игр в политику. Пожалуй, сходный путь – раньше или позже – проделал бы и я. Если бы не встретил Урсулу...

Годы спустя доктор Джейкоб Лоренс стал преуспевающим специалистом в области медицинской генетики. Но дружба наша сохранилась. В трудную пору, когда ФБР вышло на след «Революционной армии» и угроза ареста нарастала с каждым днем, именно Джейкоб приютил меня. Урсулой тогда было принято решение – всем уйти поодиночке в глубокое подполье. Каждый из нас должен был затаиться в безопасном укрытии, пока не получит от Урсулы приказа о дате и месте новой встречи. (Копы ворвались в наше опустевшее жилье через сутки после того, как я последним покинул его. Они обнаружили там засаленные матрасы, мусор на полу да издевательский рисунок на дверце кухонного шкафчи-

ка, плод совместного творчества Хелен и Хилды, – жирная свинья в полицейской фуражке).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.